

УДК 94(571):323.273

Сибирские объединения РПЦ в революции 1917 г. (на примере Томской епархии)

М. В. Шиловский

*Новосибирский государственный университет,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск*

Аннотация. На конфессиональную ситуацию в Сибири накануне и во время социального катаклизма 1917 г. оказали влияние: массовое переселенческое движение, многонациональный состав населения, религиозный абсентизм старожилов. Анализ решений съездов верующих и духовенства сибирских епархий в 1917 г. показывает плюрализм мнений по вопросам участия РПЦ в политической жизни, взаимоотношений церкви и государства, покровительства со стороны последнего в отношении клира. В целом степень активности сибиряков в изучаемой сфере была минимальной.

Ключевые слова: Русская православная церковь, епархия, приход, конфессия, духовенство, верующие.

Конфессиональная жизнь сибиряков накануне и в период социального катаклизма 1917 г. не привлекала внимания советских историков по причине реакционной сущности религии. С конца 1980-х гг. ситуация начинает изменяться. При этом местные исследователи демонстрируют широкий спектр подходов – от игнорирования конфессионального фактора в повседневной жизни горожан, признания более низкого уровня религиозности старожилов по сравнению с переселенцами до констатации кризиса религиозности, выразившегося «в росте удельного веса прихожан, не являвшихся на исповеди и причастия» [6]. В настоящей публикации в самом общем виде я попытаюсь установить наиболее важные факторы, определяющие позицию верующих и духовенства РПЦ накануне и в период революции 1917 г., на примере Томской епархии.

Прежде всего население Сибири на протяжении всей ее истории формировалось на поликонфессиональной и многонациональной основе, в условиях преобладания православных. Так, в начале XX в. в Енисейской губернии насчитывалось 310 православных приходов, 8 мусульманских, 3 католических, 1 лютеранская, 22 старообрядческих, 11 евангелических, 6 иудейских общин [1, с. 349]. Первая мировая война существенно повлияла на повседневную религиозную жизнь.

В начале XX в. в основном завершилось конфессиональное размежевание в среде аборигенов региона. Были обращены в христианство якуты, хакасы, половина алтайцев. Дальнейшее распространение православия посредством миссионерской деятельности уже не давало должного эффекта. В

рапорте семипалатинского губернатора Н. Д. Тройницкого в январе 1914 г. отмечалось: «Обращение киргиз в христианство ведется ныне миссией очень слабо, и число новообращенных насчитывается единицами» [4, с. 277]. «По официальным сведениям, – поясняет Е. В. Выдрин, – к 1917 г. практически все инородцы на территории Туруханского благочиния были крещены, в то же время очень остро стояла проблема двоеверия и знания новокрещеными основ православной веры» [2, с. 80]. Современники констатировали чисто внешнее усвоение догматов православия «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений и прежде всего шаманизма.

На ситуацию в изучаемой сфере серьезное воздействие оказывало массовое переселенческое движение. К началу 1917 г. в Томской губернии проживало 2449 тыс. (66 %) старожилов, 1125 тыс. новоселов (30 %), 146 тыс. инородцев [7, с. 3]. Переселения породили ситуацию фронта и противостояния между старожилами и новоселами не только на экономической, но и религиозной почве. Абсентизм кержаков, подселение в старообразческие селения православных мигрантов провоцировало конфликты, обострившиеся во время Гражданской войны. Массовое повстанческо-партизанское движение на юге Западной Сибири (Алтай, Кузбасс) сопровождалось разгромами и поджогами церквей, изуверскими расправами над семьями приходского духовенства. Как установил И. В. Курышев, партизанами «были совершены массовые, потрясающие своей жестокостью убийства священнослужителей как по причине их активного сотрудничества с колчаковскими властями... так в силу яростного неприятия старого мира, дореволюционного прошлого, с которым ассоциировалось нередко духовенство» [5, с. 156].

О состоянии дел в сибирских епархиях РПЦ можно судить на примере самой крупной на востоке России – Томской. В 1914 г. в нее входило 840 приходов (54 благочиния). Для сравнения: в 1875 г. их число составляло 225. Духовные потребности населения обеспечивали 873 священнослужителя, 110 дьяконов и 841 псаломщик, всего 1824 священнослужителя. В монастырях объединения насчитывалось 164 монашествующих и 808 послушников. При установленной Синодом численности прихода не менее 500 душ обоего пола реально в епархии она составляла 3337 чел., а некоторые селения находились от храма на расстоянии 50 и более верст [11, с. 224, 226, 227]. Учитывая, что с началом войны церковное строительство прекратилось, положение в этой области можно считать катастрофическим.

Несмотря на активное участие структур и приходов РПЦ в Сибири во время войны в оказании помощи раненым воинам, сборе средств на военные нужды и т. д., подспудно происходили процессы, усугубившие кризис церкви. Не произошло скачкообразного падения религиозности в 1917 г., поскольку и в предшествующее время местного мужика нельзя было считать набожным. В то же время хроника крестьянского движения за весь период второй половины 1914 – начала 1917 г. фиксирует единственный случай, когда 30 мая 1916 г. крестьяне с. Парфеновское Боровской волости Барна-

ульского уезда отказали причту местной церкви в замене земельного участка на более подходящий [3, с. 119].

Анализ девяти томов информации и материалов съездов, конференций и совещаний социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций сибирских губерний и областей, за исключением Якутской, осуществленный томскими историками в 1991–1992 гг., показывает, что с марта по август 1917 г. верующие и духовенство сибирских епархий провели 16 съездов (Чита – три, Иркутск, Бийск, Тюмень, Курган – по два, Красноярск, Томск, Омск, Барнаул, Тобольск – по одному). На них демонстрируется широкий спектр мнений по вопросу об участии духовенства в политической жизни. Если представители клира Бийского уезда 17 марта предлагали «держаться в стороне от резкой критики партийных программ», то их коллеги из Курганского уезда 20–22 апреля четко разделили внутреннюю жизнь прихода и гражданскую позицию духовенства. Прошедшие почти одновременно (конец мая – первая декада июня) съезды в Чите и Иркутске заняли, казалось бы, противоположные позиции по этому вопросу. В Чите: «Духовенство должно проявить активное участие в политической жизни страны в целях укрепления и расширения завоеванных революцией свобод, участие духовенства в политических партиях признано возможным». В Иркутске: «Русскому духовенству... не считается возможным активное участие в той или иной политической партии». Однако ему же предлагалось «внепартийно оказывать поддержку представителю той политической мысли, которая находится в большем контакте с пастырской совестью, которая, воплощаясь, принимает характер внеклассового движения в защиту всех и которая обнимает и обеспечивает радость свободной творческой религиозности, а не тоскливую печаль придавленного равнодушия и церкви и безрелигиозности».

Кардинальная эволюция взаимоотношений клириков Сибири и государства произошла в 1917 г. Так, духовенство Барнаульского уезда в апреле постановило: «Высказаться за полное отделение православной церкви от государства». Просчитав реальное положение вещей, Иркутский епархиальный съезд счел данную акцию неприемлемой. Примерно в том же духе высказался Курганский уездный съезд духовенства и мирян 17–19 июля, налегая на то, что «церковь должна быть признана учреждением публично-правового характера и поэтому пользоваться материальной поддержкой государства и покровительством закона». Развернутые предложения по данному вопросу сформулировал Омский чрезвычайный съезд духовенства и мирян. Поскольку большинство населения России православное, то необходимо «признать желательным, чтобы наше русское государство соответствовало бы основам православного учения», а сама церковь не может быть от него отделена, а «глава Российского государства должен быть православного вероисповедания и русского происхождения». Поэтому власть, руководствуясь конфессиональным плюрализмом, «обязана удовлетворять нужды православной христианской церкви в обеспечении жалованием духовенства,

помощью в религиозно-нравственном просвещении народа и законной защитой православной церкви от гонений неверующих» [10, с. 72–74].

Анализ двух томов хроники общественно-политической жизни Томской губернии за март 1917 г. – май 1918 г., подготовленный Э. И. Черняком и В. А. Дробченко [8], показывает, что степень активности сибиряков в изучаемой сфере была минимальной. В марте – августе 1917 г. зафиксировано 35 проявлений активности в порядке снижения ее (март – 15, апрель – 8, май – 6, июль – 5) и полное прекращение в августе – декабре. В январе – мае 1918 г. имело место 10 таких проявлений. Таким образом, положение дел в РПЦ вообще, в приходах в частности, не являлась главным и актуальным для населения региона. Имелись и определенные временные закономерности в этом процессе.

Например, по получении известия об отречении императора Николая II в с. Наумовское Томского уезда местный священник призвал народ к спокойствию и выразил твердую уверенность в том, что «грядущее готовит лучезарную, светлую, братскую жизнь». Далее по единому сценарию в Каинске, Мариинске, Анжерских и Судженских коях, на станциях Барабинск и Тутальская, в селах губернии состоялись молебны, панихиды по павшим борцам за свободу, манифестации с хоругвями, иконами, красными и черными знаменами, митинги. В Иркутске 10 марта 1917 г. во время праздника победы революции на Тихвинской площади выстроились войска местного гарнизона. Затем «вышло из собора духовенство во главе с архиепископом Иоанном. Заколыхались хоругви. На площади началось молебствие. После молебствия состоялся парад войск. Вечером митинги, собрания» [9, с. 319].

Далее фиксируются единичные события, тем не менее отражающие общие закономерности общественно-политической активности православных обывателей. 11 апреля 1917 г. в с. Сосновый Острог Томского уезда крестьяне захватили землю, принадлежавшую причту местной церкви. 1 мая состоялось празднование Первомая в Томске: «Во всех храмах служился молебен-многолетие всем трудящимся». Далее началось обсуждение вопросов демократизации церковной жизни, избрание делегатов на Поместный собор РПЦ, аудит хозяйственной деятельности приходов. С марта 1918 г. прекращается преподавание Закона Божьего в школах в плане реализации декрета об отделении церкви от государства.

Список литературы

1. Баранцева Н. А. Некоторые аспекты этноконфессиональных отношений населения юга Средней Сибири в конце XIX – XX в. // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы 4-й межрегион. науч.-практ. конф. – Новосибирск, 2009. – С. 349–354.
2. Выдрин Е. В. Миссионерская деятельность на севере приенисейской Сибири в 1871–1917 гг. // Енисейский Север: история и современность. – Красноярск, 2016. – Вып. 2. – С. 67–82.
3. Горюшкин Л. М. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография / Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный. – Новосибирск: Наука, 1987. – 314 с.

4. *Капляк В. Н.* Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее / В. Н. Капляк. – Семипалатинск : [б. и.], 2004. – 607 с.
5. *Курьшев И. В.* Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918–1920): социально-психологический аспект // Клио. – 2006. – № 2. – С. 155–157.
6. *Литягина А. В.* Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. В. Литягина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. – 329 с.
7. *Нагнибеда В. Я.* Томская губерния. Статистический очерк / В. Я. Нагнибеда. – Томск : Тип. В. М. Перельман, 1917. – 31 с.
8. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2013. – Т. 2, ч. 1. – 416 с.; Т. 2, ч. 2. – 386 с.
9. *Серебренников И. И.* Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 г. / И. И. Серебренников. – Иркутск : Изд. Сапронов, 2008. – 589 с.
10. *Шиловский М. В.* Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : Сиб. хронограф, 2003. – 427 с.
11. *Шиловский М. В.* Томская епархия Русской православной церкви во время Первой мировой войны // Тр. Тобол. комплекс. науч. станции УрО РАН. – 2014. – Вып. 4. – С. 224, 226, 227.

Siberian Branches of the Russian Orthodox Church in the Revolution of 1917 (by the Example of Tomsk Diocese)

M. V. Shilovsky

Novosibirsk State University, Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract: The confessional situation in Siberia before and during the social cataclysm of 1917 was influenced by: mass resettlement movement, multinational population structure, religious absenteeism of the old residents. The analysis of the decisions of the congresses of believers and clergy of the Siberian dioceses in 1917 shows pluralism of opinions on participation of the ROC in political life, relationship between the church and the state, and governmental patronage of the clergy. In general, the degree of activity of Siberians in the studied area was minimal.

Keywords: Russian Orthodox Church, diocese, parish, confession, clergy, believers.

*Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук, профессор
Новосибирский государственный
университет
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2
Институт истории СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
тел.: 8(383) 330-38-21
e-mail: istorik.novosib@gmail.com*

*Shilovsky Mikhail Viktorovich
Doctor of Sciences (History), Professor
Novosibirsk State University
2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090
Institute of History SB RAS
8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(383) 330-38-21
e-mail: istorik.novosib@gmail.com*